

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
профессор кафедры теории, истории государства и права, государственно-правовых дисциплин Северного института (филиала)

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

(Петрозаводск, Российская Федерация)

verigin@petrsu.ru

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ: СУДЬБА РАЗВЕДЧИКА ВАСИЛИЯ КИРИЛЛОВА

А н н о т а ц и я . Статья о зафронтовом разведчике Карельского фронта Василии Агеевиче Кириллове подготовлена на основе архивных документов из фондов Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия, многие из которых были рассекречены и введены в научный оборот в 2023 году. Показаны формы и методы подготовки советской военной контрразведкой В. А. Кириллова, его заброска за линию фронта. Особое внимание уделяется эффективности его деятельности в тылу противника, подчеркивается сложность работы разведчика в условиях позиционной войны между СССР и Финляндией в 1941–1944 годах. Рассматриваются причины, на основании которых В. А. Кириллов был осужден в 1944 году и реабилитирован в 1960 году. Данное исследование вносит вклад в российскую историографию отечественных спецслужб в период Великой Отечественной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Василий Кириллов, зафронтовой разведчик, советская контрразведка, финская разведка, Великая Отечественная война, Карельский фронт

Д л я ц и т и р о в а н и я : Веригин С. Г. Из истории советской контрразведки: судьба разведчика Василия Кириллова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 64–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1009

ВВЕДЕНИЕ

Тема противостояния советских и финских спецслужб в годы Великой Отечественной войны нашла определенное освещение в отечественной историографии [1], [2], [4], [5], [6], [9], [10], [11]. Однако деятельность зафронтовых разведчиков Карельского фронта изучена недостаточно. В 1980-е годы в Петрозаводске вышли две книги очерков и воспоминаний о героях тайной войны на Карельском фронте [12], [13], которые несколько расширили наши знания о прежде закрытой проблеме, но до сих пор многие архивные документы, касающиеся конкретных разведчиков, по разным причинам недоступны для исследователей. Все это относится и к зафронтовому разведчику Карельского фронта Василию Агеевичу Кириллову. Правда, в 2023 году была опубликована статья автора данной публикации, специально посвященная жизни и судьбе этого разведчика [3],

но в то время уголовное дело Василия Кириллова не было доступно исследователям. И только в конце 2023 года оно было рассекречено, что позволяет в настоящий момент глубже раскрыть заявленную тему.

Цель статьи состоит в том, чтобы на основе рассекреченных документов из фондов Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК) разобраться в том, почему был осужден Василий Кириллов, и показать основания для его реабилитации.

* * *

Василий Агеевич Кириллов родился в 1920 году в деревне Вокнаволок Ухтинского района Карелии в многодетной крестьянской семье, в которой было двенадцать детей. Начальное образование получил в Вокнаволоцкой школе. В 1937 году окончил Ухтинскую среднюю шко-

лу (первый выпуск). В 1937–1939 годах учился в Петрозаводском учительском институте. После его окончания вернулся в д. Вокнаволок, в 1939–1941 годах работал учителем финского языка, физкультуры и пения сначала в Войницкой 7-летней, а затем в Ухтинской средней школе. В 1940 году участвовал во Всесоюзном параде физкультурников в Москве. 18 июля 1941 года Василий Кириллов был призван в армию Калевальским РВК. В годы войны стал зафронтовым разведчиком Карельского фронта. Совершил 11 походов за линию фронта. Приказом Карельского фронта № 0553 от 8 июля 1942 года был награжден орденом Красной Звезды. В период с 25 сентября 1942 года по 6 июня 1943 года Василий Кириллов совершил свой последний поход за линию фронта (256 дней). По возвращении со спецзадания 15 октября 1943 года был арестован Управлением контрразведки «Смерш» Карельского фронта. 12 февраля 1944 года Особым совещанием (ОСО) при НКВД СССР В. А. Кириллов осужден на 25 лет за измену Родине. Умер 20 февраля 1945 года в заключении (Онежский ИТЛ) и похоронен в п. Малая Шерда Плесецкого района Архангельской области. Военный трибунал Ленинградского военного округа своим определением от 24 октября 1960 года № 583-И-60 отменил постановление особого совещания при НКВД СССР от 12 февраля 1944 года в отношении В. А. Кириллова и прекратил дело на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления. Большую роль в реабилитации разведчика сыграли известные карельские писатели Яакко Ругоев и Ортье Степанов.

Рис. 1. 1937 год. Выпуск в Ухтинской средней школе. В центре – Илмари Тойкка и Конста Ханнолайнен. Василий Кириллов – в верхнем ряду слева. Здесь и далее фото из музея Калевальской средней школы имени Василия Кириллова

Figure 1. 1937 graduation ceremony at Ukhta Secondary School. Pictured in the center are Ilmari Toikka and Konsta Hannolainen, while Vasily Kirillov is seen in the top row on the left. All the photographs herein are sourced from the Kalevala Secondary School Museum named after Vasily Kirillov

Рис. 2. И. Яковлев, И. Иванов, Василий Кириллов, Яакко Ругоев – студенты Петрозаводского учительского института, 1937–1938 годы

Figure 2. I. Yakovlev, I. Ivanov, Vasily Kirillov, Jaakko Rugojev, students of Petrozavodsk Teachers Institute, 1937–1938

О героических и трагических страницах жизни и судьбы зафронтового разведчика Карельского фронта Василия Агеевича Кириллова рассказывается в двух литературных произведениях – «Двести пятьдесят шесть дней» [8] карельского писателя Яакко Ругоева и «Человек и время. Эпилог» [7] финского писателя и общественного деятеля Маркку Ниеминена. Однако на многие вопросы, которые, кстати, поставили сами эти авторы (в частности, причины репрессии в отношении разведчика, а затем и основания для его реабилитации), так и не были получены ответы.

Уголовное дело в отношении Василия Агеевича Кириллова находится в фонде уголовных дел (Ф. 8.2. № П – 10218) Архива УФСБ РФ по РК¹, в конце 2023 года оно было полностью рассекречено. Дело начинается с постановления на арест агента разведывательного отдела штаба Карельского фронта В. А. Кириллова, подписанного 11 октября 1943 года в г. Беломорске зам. начальника 1-го отделения 1-го отдела Управления контрразведки «Смерш» Карельского фронта.

В констатирующей части дела приводятся данные биографии разведчика, отмечается, что он имеет награду за разведслужбу в Красной армии – орден Красного Знамени. Однако уже здесь выделяются негативные факты в отношении его родственников: у Кириллова есть родной брат, репрессированный органами НКВД; другой брат пропал без вести в годы Великой Отечественной войны; зять сбежал в Финляндию в 1922 году. Мать, сестра и еще один брат добровольно остались на территории, которую оккупировал противник². Следует отметить,

что в начале июля 1941 года на территорию Калевальского района Карелии вторглась финская группа «Ф» III армейского корпуса, которая сумела прорвать оборону 54-й СД 7-й армии Северного фронта и оккупировать часть этого района. Не все жители смогли эвакуироваться и оказались в зоне финской оккупации. В числе их были и некоторые родственники Василия Кириллова и те его земляки, которые оказывали ему помощь в разведывательной деятельности. Так, свидетель по уголовному делу в отношении В. А. Кириллова Семен Николаевич Липкин, 1883 года рождения, карел, уроженец д. Вокнаволоок, на допросе 19 октября 1944 года показал, что переселение в тыл страны в начале войны не было организовано:

«О выезде сообщили только в начале июля 1941 года ночью. Я с семьей собрался и выехал на лодке. Но лодка была худая, мне пришлось, отъехав 10–15 км, вернуться обратно в деревню, так как дальше ехать было опасно. Вернулись в деревню, а там уже были финны. Так что с семьей остался на оккупированной территории»³.

Казалось бы, все это должно было стать предметом тщательного рассмотрения и анализа при проведении следствия, однако эти факты следователей не интересовали. Уже то, что родственники разведчика оказались под финской оккупацией, брат был репрессирован, а зять сбежал из страны в Финляндию, так или иначе бросало тень на семью Кириллова.

Далее в уголовном деле утверждается, что имеются данные, на основании которых В. А. Кириллов изобличен как агент финских разведорганов, которыми он был переведен во время своего 8-месячного пребывания по заданию разведотдела Карельского фронта на территории, оккупированной противником⁴. Главными аргументами для этого вывода были следующие: 1. Сообщенные Кирилловым разведданные не имеют ценности. Он ограничился сведениями, относящимися к 1941 и началу 1942 года, которые были ему известны по посещению района в 1941–1942 годах. 2. Находясь в тылу противника, Кириллов имел перерыв в радиосвязи от 8 суток до 1,5 месяца, который объяснить внятно он не мог. 3. Обстоятельства нелегального пребывания на оккупированной территории, указанные Кирилловым, неправдоподобны для негласного пребывания⁵. Следователи, которые вели дело Кириллова, с одной стороны, правомерно подвергали факты его долгого пребывания в тылу финских войск сомнению, так как у советской военной контрразведки (Особого отдела Карельского фронта) и контрразвед-

ки территориальных органов (4-й отдела НКВД КФССР) было не так много примеров успешной длительной деятельности своих агентов в зоне финской оккупации Карелии. Наоборот, были факты провалов и предательства ряда зафронтовых разведчиков Карельского фронта и агентов 4-го отдела НКВД КФССР, из-за которых финская контрразведка смогла реализовать свои намерения. Так, в 1942 году сдалась в плен радистка разведотдела 7-й армии Айра Хуусконен. Затем она работала под диктовку финнов и слендировала захват языка из числа офицеров финской армии. Хуусконен сумела вызвать в район Шапшезера два советских самолета, которые были захвачены финнами⁶. Советской контрразведке был известен и факт сдавшегося в плен финнам Семена Шувалова, бывшего сотрудника 3-го спецотдела НКВД КФССР, старшего лейтенанта госбезопасности, члена ВКП(б), который являлся командиром партизанского отряда «За Родину», участвовавшего в походе в тыл противника в составе 1-й партизанской бригады Григорьева летом 1942 года. Шувалов предоставил финнам подробную информацию о работе НКВД КФССР, структуре органов, сотрудниках карельской контрразведки, сведения о партизанских отрядах, действующих на Карельском фронте. Он выдал финнам ряд агентов НКГБ КФССР, оставленных в Петрозаводске в 1941 году для выполнения заданий советской разведки⁷. В этой связи понятно, что органы военной контрразведки должны были тщательно проверить все факты, изложенные зафронтовым разведчиком Василием Кирилловым во время его 8-месячного пребывания в финском тылу.

С другой стороны, тщательный, непредвзятый и объективный анализ всех обстоятельств деятельности Кириллова за линией фронта в ходе следствия уступал сложившимся стереотипам и установкам, которыми руководствовались следователи: разведчик часто выходил за рамки установленной для него легенды, что сразу вызывало подозрения; он слишком хорошо выполнил задание в сложнейшей обстановке, делался вывод, что он смог это сделать только «при помощи» финнов, и др.

В материалах дела были и другие утверждения, которые позже легли в основу обвинения его в предательстве, но которые никак не подтверждались фактами. В материалах следствия 1943 года подчеркивалось, что разведчик, находясь в д. Вокнаволоок, где располагался большой финский гарнизон, жил в одном и том же доме восемь месяцев, работал на рации и не был

обнаружен, хотя финны несомненно вели пленгацию радиостанций. Во время проведения финскими военными властями обыска в доме Агафьи Мякеля (где проживал разведчик) в связи с подозрениями ее в связи с советскими разведчиками подверглись осмотру все помещения дома, однако подвал, в котором находился Кириллов, осмотрен не был. Квартиру Кириллова посещали связанные с ним лица в количестве 14 человек, но они не были заподозрены финской контрразведкой и никто из них его не выдал. Причем по легенде Кириллов мог общаться только с родственниками, которые бы его не выдали, но не с посторонними людьми. Находясь в тылу противника, отказывался от снабжения продуктами и жил, с его слов, на обеспечении хозяйки дома⁸.

Рис. 3. Дом Агафьи Мякеля в Вокнаволоке. 1943 год
Figure 3. Agafya Mäkelä's house in Voknavolok, 1943

Указывались и другие факты, вызывавшие сомнения у контрразведчиков. Так, в июне 1943 года хозяйка дома Мякеля и квартирантка Ротонен были арестованы финскими властями, а Кириллов беспрепятственно на второй день после их ареста ушел из этого дома и возвратился на советскую территорию. С его слов, еще во время движения в тыл к финнам были обнаружены следы Кириллова, его разыскивали, а он в это время сидел в 15 метрах от финнов, которые его не заметили⁹.

В вину разведчику ставили и то, что, вместо того чтобы опираться только на родственников, он привлек для сбора разведанных непроверенных людей, некоторые из них якобы были враждебно настроены к Советскому Союзу. Так, утверждалось, что Ольга Петровна Лесонен, Анна Сергеевна Маликина и Дарья Филипповна Ротонен, которые помогали Кириллову, «до-

бровольно» остались на оккупированной территории, а Лесонен и Маликина до момента возвращения Кириллова на советскую территорию работали официантками при офицерской столовой в д. Вокнаволок¹⁰. В материалах дела упоминалась и сестра разведчика – Варвара Агеевна Иванова, которая также «добровольно» осталась на территории, оккупированной противником, имеет «мужа-предателя», находящегося с 1922 года в Финляндии, с которым она установила связь в период финской оккупации части Калевальского района Карелии в 1941–1944 годах.

В конечном итоге делался вывод, что объяснения Кириллова по поводу 8-месячного пребывания на территории, оккупированной противником, в большинстве своем изобилуют противоречивыми фактами и явно неправдоподобны. На основании этой «доказательной» базы 14 октября 1943 года Военный прокурор Карельского фронта полковник юстиции Морозов вынес постановление о том, что В. А. Кириллов подозревается в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР, и определил меру пресечения содержание под стражей с выдачей ордера № 198 на арест и обыск¹¹.

15 октября 1943 года В. А. Кириллов был арестован и сразу подвергнут допросам. В этот же день на первом допросе, отвечая следователю, разведчик рассказал о своей биографии. Он отметил, что 18 июля 1941 года Калевальский РВК призвал его в Красную армию, и он сразу же был зачислен в в/ч 4082 (разведчасть особого назначения) в с. Ухта, уже через четыре дня был послан на выполнение боевого задания в тыл противника. До конца марта 1942 года постоянно бывал на важных боевых заданиях. С апреля по 25 сентября 1942 года обучался разведработе. 25 сентября 1942 года был отправлен в тыл противника в д. Вокнаволок Калевальского района, возвратился на советскую сторону 6 июня 1943 года. После этого он находился на отдыхе и заданий до своего ареста не получал.

На допросе 15 октября 1943 года следователь заявил, что Кириллов арестован за связь с финской разведкой, и предложил ему рассказать, кто и когда привлек его к работе в пользу финской разведки. Разведчик четко ответил, что никаких связей с разведкой противника он не имел¹². Второй допрос состоялся 19 октября 1943 года. На нем Кириллов отвечал на вопросы о своих родственниках: где они проживают и чем занимаются. Он рассказал, что брат Павел Агеевич Кириллов находится на фронте, сестра

Анна Агеевна Кириллова проживает в с. Шомба Кемского района, а сестра Мария Агеевна Кириллова (Ремшу) – в с. Шуерецкое Беломорского района. Еще один брат – Петр Агеевич Кириллов призван в РККА, служил в в/ч 4082, в августе 1942 года был послан в тыл финнов на выполнение боевого задания, но с задания не вернулся. О том, что брат попал в плен, узнал от своей сестры Варвары Агеевны Кирилловой (Ивановой). Мать Евдокия Васильевна Кириллова проживает в д. Пиртигуба Калевальского района, оккупированного финнами¹³.

На третьем допросе 22 октября 1943 года разведчик рассказал, что за время службы 11 раз направлялся в тыл противника. 10 раз он действовал в составе небольших групп разведчиков от двух до восьми человек. 11-й раз был направлен за линию фронта один с целью оседания на длительное время и ведения разведки в районе д. Вокнаволок Калевальского района. Первоначально задание заключалось в том, чтобы проникнуть в тыл финнов в д. Пиртигуба Калевальского района к родной сестре Варваре Ивановой, устроиться у нее и, находясь на нелегальном положении, через осведомителей, проживавших легально в д. Пиртигуба – Степана Васильевича Иванова (мужа сестры) и д. Вокнаволок – Алексея Агеевича Кириллова (родного брата), добывать сведения о воинских частях противника и агентурной обстановке в этом районе¹⁴.

В случае если не удастся устроиться в д. Пиртигуба, Кириллову необходимо было остановиться в д. Вокнаволок у Федосии Липкиной и работать через этих же осведомителей. Собранные сведения о противнике надо было сообщать по радию, которая была передана ему при отправке в тыл противника. Возвратиться обратно он должен был по приказу командования своей части, который будет передан по радию или через связников¹⁵.

Далее Кириллов рассказал, что 26 сентября 1942 года из д. Куусиниеми, расположенной на северном берегу оз. Среднее Куйто, он на лодке переправился на южный берег оз. Среднее Куйто (нейтральная территория), а далее добрался до д. Пиртигуба. Когда он подошел к дому своей сестры Варвары Ивановой, то решил понаблюдать за домом и увидел незнакомого мужчину. Позже его мать сказала, что это муж сестры, который еще в 1922 году ушел в Финляндию. Во время войны он стал приходить на оккупированную финнами территорию Калевальского района и встречаться с женой. С незнакомым мужчиной Кириллов общаться не захотел

и четыре дня жил в сарае. После он поговорил с сестрой Варварой, сообщив, что хотел бы остановиться у нее для выполнения задания¹⁶. Однако сестра сказала, что останавливаться у нее нельзя, так как финны подозревают ее в связях с советской разведкой: они заметили след от лыжни Кириллова в конце марта 1942 года, когда он ходил сюда в разведку. Иванову переселили в дом в центр деревни, а в свой дом разрешили вернуться только летом 1942 года. Сестра посоветовала остановиться в д. Вокнаволок в доме Агафьи Филипповны Мякеля, что Василий Кириллов и сделал. Он возвратился в Вокнаволок и пришел в дом Мякеля, где встретил хозяйку дома, ее мужа и двух квартиранток – Марию Торвинен и Марию Ротанен. В подвале этого дома он жил с 13 октября 1942 по 2 июня 1943 года¹⁷.

На очередном допросе 29 октября 1943 года следователь познакомил Василия Кириллова с Постановлением о предъявлении ему обвинения. В нем говорилось, что Василий Агеевич Кириллов, будучи в тылу противника на выполнении боевого задания командования Красной армии с 26 сентября 1942 года по 6 июня 1943 года, изменил Родине, установив связь с финской разведкой. По ее указанию он сообщал ложные сведения о противнике и 6 июня по направлению разведки противника со шпионским заданием прибыл в распоряжение частей Красной армии. В Постановлении говорилось о привлечении Василия Агеевича Кириллова в качестве обвиняемого по ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР. После ознакомления с этим Постановлением разведчик отверг все предъявленные ему обвинения. Он еще раз заявил, что никаких связей с финской разведкой не имел, выполнял приказ советского командования, а родственники и жители д. Вокнаволок собирали для него сведения о финском гарнизоне, которые он передавал по радию¹⁸.

Допросы возобновились спустя 16 дней – 15 ноября 1943 года. Василий Кириллов меняет свои показания и заявляет:

«Вижу, что дальнейшее заpiresательство бесполезно. Прошу следствие дать собственноручные показания о своей связи с разведкой противника и той работой, которую я проводил по заданию финской разведки и в тылу противника, и на территории СССР»¹⁹.

Кириллов начинает менять и те показания, которые ранее давал на допросах. Так, на вопрос следователя, почему Мария Ротанен получала деньги от финнов, Кириллов в октябре 1943 года отвечал, что, по ее словам, за увечье, полученное на скотном дворе. А на допросе 15 ноября 1943 года на этот вопрос он ответил так:

«Ротонен получала деньги от финнов не потому, что была больна, а за работу агентом финской разведки. Ее задача – следить за моей работой как агента финской разведки и одновременно передавать мне сведения»²⁰.

Почему Василий Кириллов после более чем двухнедельного перерыва в допросах коренным образом изменил свою позицию и стал соглашаться со всеми предъявляемыми ему чудовищными обвинениями, прежде всего в измене Родине? На этот вопрос нет прямого ответа в изученных материалах уголовного дела. Но главная причина, на наш взгляд, состоит в том, что к нему были применены методы физического воздействия. Возможно, он взял всю вину на себя, желая обезопасить своих родных и близких. Не исключается и предательство людей, которые работали вместе с ним.

На следующих допросах Василий Кириллов отвечал так, как это было необходимо следователям. При анализе материалов уголовного дела создается впечатление, что многие ответы Кириллова были чуть ли не заранее подготовлены следователями с учетом их обещаний смягчить наказание разведчику, если он будет отвечать «как надо».

16 ноября 1943 года на вопрос следователя о том, когда и кем он был привлечен к работе в пользу Финляндии, Кириллов ответил:

«4 октября 1942 года прибыл в дер. Пиртигуба и зашел к своей сестре Варваре Агеевне Ивановой. Как отмечал ранее, остановиться у нее не мог из-за подозрений финнов к ее семье за связь с партизанами. Родственники в Вокнаволоке тетя Феодосия Липкина и Семен Липкин не дали согласия устроиться у них на нелегальном положении. Я боялся не выполнить задание и поэтому решил сдать финским властям, отправив своего племянника Степана Иванова в финский гарнизон дер. Пиртигуба. Вечером 5 октября 1942 года меня арестовали финские солдаты, изъяв пистолет, 3 гранаты, финский нож и рацию “Север”. Они доставили меня в деревню Вокнаволок в полицейское управление»²¹.

По показаниям Кириллова, утром 6 октября 1942 года его вызвали на допрос, проходивший в полицейском управлении, который вели лейтенант полиции Яскиляйнен и капитан полиции Эрола. Допросы продолжались с 6 по 9 октября. На них он признался, что является советским разведчиком и прибыл в Вокнаволок по заданию разведотдела № 4082 с целью длительного нахождения в тылу и передачи по рации сведений о финском гарнизоне и агентурной обстановке в тылу финнов. 8 октября капитан Эрола предложил Кириллову рассказать, как пользоваться шифркомом и передать информацию по рации

на центральную станцию²². Далее Кириллов рассказал, что 11 октября капитан Эрола стал вербовать его в качестве агента финской разведки. Вначале разведчик отказался, заявив, что хотел бы просто остаться жить в финском тылу и не вести никакой работы. Но это не удалось, так как финские контрразведчики разъяснили, что он уже передал по рации сведения, выгодные для финнов, и теперь ему ничего не остается делать, как работать на финскую разведку.

11 октября 1942 года Кириллов «дал подписку» работать финским агентом:

«Я – Кириллов Василий Агеевич сообщил финским властям известные мне сведения о воинских частях и в дальнейшем обязуюсь работать в пользу финской разведки и честно выполнять все порученные задания от финского командования. В дальнейшем все сведения финской разведки будут подписываться кличкой “Рантала”. В конце подписки поставил свою подпись – Кириллов».

С 14 октября стал работать на радиостанции «Север», передавая подготовленную финнами информацию²³.

На следующих допросах Кириллов стал «оговаривать» тех жителей Вокнаволока, которые помогали ему в сборе разведывательной информации, заявив, что они являлись агентами финской разведки.

Кроме того, в дальнейшем Василий Кириллов вынужден был согласиться со следствием и в вопросе о том, почему были перерывы в радиосвязи. Он отмечал, что примерно 10 декабря 1942 года капитан Эрола приказал прекратить связь с центральной станцией для того, чтобы, возвратившись на территорию СССР, Кириллов мог заявить, что передатчик испортился и поэтому он решил возвратиться без приказа. По возвращении на советскую территорию Кириллов должен был выполнить следующие задания финской разведки: 1) установить связь с разведчиками, готовящимися для переброски в тыл финнов на длительное время, и в беседах с ними выяснить, какие они имеют задания и в какие районы предполагается их выброска; 2) установить количественный состав направляемых групп диверсантов и разведчиков, а также тех, с кем они будут иметь связь на территории, оккупированной финнами; 3) из лиц, недовольных советской властью, создать резидентуры, то есть завербовать их в агенты финской разведки²⁴. Капитаном Эрола была подготовлена легенда о работе Кириллова в тылу противника, которую он должен был изложить советскому командованию в качестве отчета о ра-

боте в финском тылу²⁵. Но возвращение Кириллова было перенесено на более поздний срок – начало июня 1942 года.

Легенда в основном осталась прежней – отсутствие питания для рации было главной причиной его возвращения, но добавили еще один факт. 2 июня 1942 года финская полиция арестовала Агафью Мякеля и Марию Ротонен, поэтому Кириллов без приказа советской стороны был вынужден покинуть Вокнаволоку и возвратиться на советскую территорию.

Далее Василий Кириллов вынужден был говорить то, чего добивалось от него следствие:

«Прибыв на советскую территорию, я был направлен в штаб армии в г. Кемь, где изложил подполковнику Коваленко отчет о своей работе в тылу противника и через 5–6 дней был отправлен в г. Сегежа на отдых, где пробыл до 8 августа 1943 года. Находясь в разведчасти 12305, приступил к выполнению полученного от финской разведки задания по вербовке известных мне разведчиков в агенты финской разведки. Мною было подготовлено для вербовки несколько человек»²⁶.

На вопрос следователя о том, как реагировали на эти предложения окружающие, Василий Кириллов ответил, что никто его «антисоветские» разговоры не поддержал и завербовать он никого не смог²⁷. Этот факт показывает, что, несмотря на огромное давление со стороны следователей на Кириллова, он никого не сдал, тем самым спас жизнь многих советских разведчиков и советских граждан.

Различные документальные источники, в том числе и материалы уголовного дела, показывают, что во время следствия по делу зафронтного разведчика Карельского фронта Василия Кириллова были допрошены многие его родственники, друзья и знакомые. Имеющиеся документы свидетельствуют, что большинство свидетелей высоко ценили деятельность Василия Кириллова в качестве разведчика, их показания опровергали доводы следствия о «преступной» деятельности Кириллова и его работе на финнов. Так, Анна Степановна Маликина, 1921 года рождения, уроженка д. Войница Калевальского района, член ВЛКСМ с 1936 года, до войны работавшая заведующей избой-читальней в д. Каменное озеро Калевальского района, на допросе рассказала следующее. 3 июля 1941 года в деревню пришли финны. Она сначала работала скотницей в д. Вокнаволоку, затем попала в лагерь военнопленных, а 27 февраля 1942 года ее отправили в д. Тихозеро Калевальского района, где она готовила пищу для сельскохозяйственных рабочих. 1 января 1943 года ее отпустили домой, она стала ра-

ботать в столовой д. Вокнаволоку²⁸. По ее словам, в конце февраля или начале марта 1943 года тетя Кириллова Агафья Мякеля позвала ее с Ольгой Лесонен в гости, там они и познакомились с В. Кирилловым. После этого девушки стали добывать для Кириллова разведывательные данные, которые тот по рации передавал на советскую сторону. Кириллов скрывался у Агафьи Мякеля до 6 июня 1943 года, после чего брат Алексей Кириллов проводил его через озеро Куйто и он ушел за линию фронта²⁹.

Анна Маликина на допросе объяснила и причину неудачи финнов в поимке разведчика:

«3 июня 1943 года в доме Мякеля был проведен обыск, все было тщательно просмотрено, но ход в подполье, в котором скрывался Кириллов, финнами обнаружен не был. Дело в том, что в той комнате, из которой шел ход в подполье, было навалено много хлама, хорошо замаскировавшего тайный ход. Так финны ушли ни с чем, оставив лишь караул у дома»³⁰.

Ключевым свидетелем по уголовному делу Кириллова являлась Агафья Филипповна Мякеля, в чьем доме в Вокнаволоке восемь месяцев – с 5 октября 1942 по 3 июня 1943 года – скрывался разведчик. На допросе 6 октября 1944 года, который осуществлялся через переводчика (карелка Мякеля плохо знала русский язык), она отвергла все обвинения Кириллова в предательстве и его связях с финскими властями. Мякеля заявила, что финны ничего не знали о находившемся в ее доме разведчике. В течение всех восьми месяцев он жил в подвале дома и никуда не выходил, за исключением одного случая, когда вышел в лес за питанием для рации. Кириллов – это настоящий советский патриот. Более того, несмотря на предупреждение следователей об ответственности, Агафья Мякеля отказалась подписать протокол допроса о том, что финны знали о Кириллове³¹.

Еще один свидетель по уголовному делу – Мария Филипповна Ротонен, 1908 года рождения, карелка, проживавшая в доме Агафьи Мякеля с конца сентября 1942 года, на допросе 25 октября 1944 года заявила, что Кириллов пришел в дом Мякеля ночью в начале октября 1942 года, а ушел на советскую сторону 3 июня 1943 года. Батареи к рации доставлял сам Василий или его родной брат Алексей, которые ходили в район Сосновой губы (пятая ламба), где было скрытое место и куда партизаны доставляли батареи. Финны о нахождении Кириллова в доме Мякеля ничего не знали³². Этот протокол был подписан на русском и карельском языках.

Свидетель Ольга Петровна Лесонен (Хмылко) на допросе в 1944 года также отвергла все обвинения о связях Кириллова с финнами. Она заявила, что вместе с Анной Маликиной выполняла все задания разведчика. 2 июня 1943 года финны провели обыск в доме Агафьи Мякеля, затем арестовали ее и Марию Ротонен, но Кириллова не нашли. За домом Мякеля установили наблюдение, но на следующий день Василий Кириллов с помощью брата Алексея покинул Вокнаволок³³.

Мария Липкина, Мария Ивановна Торвонен и другие свидетели по уголовному делу Кириллова на допросах в 1943–1944 годах показали, что разведчик никаких связей с финнами не имел, проживал в подвале дома Агафьи Мякеля и выходил за пределы дома только один раз за питанием к рации. На советскую сторону он ушел с помощью брата Алексея³⁴.

Рис. 4. Патриотическая группа Василия Кириллова:

Алексей Липкин, Ольга Лесонен (Хмылко), Мария Филипповна Липкина, Виктор (сын Ольги Лесонен), Айно (дочь Марии Липкиной), Анни Маликина (Липкина), Агафья Филипповна Мякеля, 1964 год

Figure 4. Vasily Kirillov's patriotic group: Alexei Lipkin, Olga Lesonen (Khmylko), Maria Lipkina, Victor (Olga Lesonen's son), Aino (Maria Lipkina's daughter), Anni Malikina (Lipkina), Agafya Filippovna Mäkelä, 1964

Несмотря на то что большинство свидетелей в период следствия летом и осенью 1943 года, а затем на допросах в 1944 году после освобождения Калевальского района от финской оккупации решительно отвергли все обвинения Кириллова в предательстве, следователи активно пытались любыми способами добыть улики по обвинению разведчика в измене Родине. Надо отметить, что многие из этих улик не выдерживают критики с точки зрения уголовного права.

В качестве обвинений Кириллова в измене Родине следователи предъявили ему показания двух разведчиков – Петрова и Богданова, которые фактически были «подсажены» военной контрразведкой к Кириллову после его возвра-

щения на советскую территорию для выявления отношения разведчика к советской власти. Так, 18 августа 1943 года свидетель Петров подал заявление на Василия Агеевича Кириллова как на разведчика недостойного поведения и человека, не внушающего политического доверия. При этом под псевдонимом Петров скрывался агент Управления контрразведки «Смерш» Карельского фронта Семен Иванович Мотонен, которого специально подсадили в гостиницу г. Сегежа, где в то время проживал Кириллов. Скорее всего, Петров еще до встречи с Кирилловым получил установку найти факты антисоветского поведения разведчика и вполне с ней справился. Так, 16 августа 1943 года в самом начале допроса он отметил, что первоначально не придавал значение отдельным высказываниям Кириллова. Но тут на помощь ему пришел следователь, который спросил: «Как вы реагировали на недостойное и вызывающее поведение Кириллова?» После этого свидетель заявил:

«В июле 1943 года проживал с Кирилловым в Сегеже. В разговорах со мной Кириллов восхвалял правительство Финляндии и других капиталистических стран, критиковал советское руководство, говорил, что в СССР у колхозов 90 % урожая отбирает государство. Коренное карельское население в оккупированной части Ухтинского района живет хорошо. Также хорошо живут рабочие в Финляндии, кто работает, тот не знает нужды. Финские газеты читать интереснее, чем советские. Наши газеты все врут»³⁵.

Кроме того, Петров рассказал, что Кириллов без разрешения выходил на улицу и встречался с другими разведчиками, а также изготавливал «цепочки», часть из которых принес с оккупированной территории, и раздавал их разведчикам, которые вполне могли быть знаками для финских агентов³⁶. Аналогичные показания в отношении Кириллова были получены и от другого информатора – разведчика Богданова.

Василий Кириллов был опытным разведчиком, который несомненно понимал, что вести «антисоветские» разговоры с незнакомыми людьми нельзя. Но он был вынужден соглашаться с теми обвинениями, которые выдвигались против него. Фактически на допросах в конце ноября – начале декабря 1943 года Василий Кириллов продолжал линию поведения, данную ему следователями. Он заявил:

«18 июля 1943 года меня перевели из г. Кемь в г. Сегежа, где я пробыл до 8 августа 1943 года. Находясь в Сегеже, я вел с разведчиком по кличке “Петров” антисоветские разговоры, восхвалял Финляндию, говорил, что карельское население на оккупированной финнами территории живет хорошо. Нет колхозов, ко-

торые стремились побольше взять у работающих в них колхозников. Эти же разговоры вел с разведчиком Николаевым в Беломорске»³⁷.

Материалы уголовного дела свидетельствуют о том, что для доказательства «преступной деятельности» Василия Кириллова следствием использовались его высказывания о жизни местных жителей на оккупированной финнами территории Советской Карелии. Так, свидетель Софья Николаевна Хойкка на допросе 18 августа 1943 года заявила: «Встретилась с Кирилловым в конце июня – начале июля 1943 года. Он говорил мне, что население на оккупированной территории живет хорошо»³⁸.

Этот факт отмечала и другой свидетель – сестра разведчика Мария Агеевна Ремшу (Кириллова):

«Брат говорил мне, что на оккупированной территории люди живут хорошо, ибо им раздали колхозную собственность. Сестра (Варвара Иванова. – С. В.) стала иметь две коровы и другую живность»³⁹.

Еще один свидетель – сестра разведчика Анна Агеевна Кириллова заявила то, что хотело услышать следствие: «Те мои родственники, которые остались на оккупированной территории, поступили предательски по отношению к Советскому Союзу»⁴⁰. Правда, при этом она добавила, что брат о жизни на оккупированной территории ничего не рассказывал⁴¹.

В качестве улики «преступной» деятельности Василия Кириллова в материалах следствия присутствовал также блокнот, записи которого следователи в 1943 году оценили как антисоветские. К делу был приобщен и фотоснимок отобранных у разведчика трех цепочек, которые он принес с оккупированной территории и которые фигурировали как опознавательные знаки для агентов финских разведорганов⁴².

Таким образом, приведенный выше материал показывает, что у следствия оказалась весьма узкая и недостаточно обоснованная юридическая база для предъявления Кириллову столь сурового обвинения, как измена Родине. Однако в конечном итоге 17 декабря 1943 года был составлен протокол об окончании следствия № 102 по обвинению Василия Агеевича Кириллова в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б». Как отмечено в протоколе, В. А. Кириллов с материалами следствия ознакомлен полностью, ходатайств и жалоб к следствию не имеет⁴³.

На основании следствия Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР 12 февраля 1944 года постановило Василия Агеевича Кириллова за шпи-

онаж заключить в ИТЛ сроком на 25 лет, считая срок с момента ареста – 15 октября 1943 года⁴⁴. Недолгой оказалась жизнь разведчика в местах лишения свободы. Василий Кириллов умер 20 февраля 1945 года в Онежском ИТЛ в Архангельской области.

Как уже отмечалось, главную роль в реабилитации Василия Кириллова сыграли известные карельские писатели Яакко Ругоев и Ортъе Степанов. Яакко Ругоев, узнав о судьбе Василия Кириллова, не поверил в предательство своего одноклассника и лучшего друга, делом его жизни стало оправдание Василия. Он стал систематически собирать материалы о жизни Василия Кириллова, понимая, что в архивах ему не предоставят необходимые документы. Маркку Ниеминен пишет:

«Поэтому он выбрал метод, которого в целом и придерживался в поисках источников. Он интервьюировал свидетелей того времени, создав широкую сеть переписки, обращаясь к друзьям и знакомым с просьбой искать людей, которые знали бы об интересующих его событиях, и призывал их написать ему. И его метод сработал. Яакко обосновывал свои действия тем, что архивы не содержат всей правды и в то же время никуда не пропадут. Зато рассказы многих людей, переживших одни и те же события, дополняют друг друга, оживляя историю и придавая ей целостность. Необходимо лишь записать воспоминания очевидцев, пока они не забылись и пока рассказчики еще живы» [7: 31].

Что касается Ортъе Степанова, то он проявил большую активность в деле восстановления доброго имени Василия Кириллова. Он написал письмо в Москву в Прокуратуру Советского Союза, в котором рассказал о судьбе Василия Кириллова и о его невиновности. Писатель просил, чтобы дело разведчика было пересмотрено, а его доброе имя – оправдано. Маркку Ниеминен отмечает:

«Ортъе не рискнул отправить письмо из Калевалы, а поехал в Кемь, где у него были и другие дела. Но и там он не отнес письмо на почту, а отправился на вокзал. Через Кемь следовали прямые поезда между Мурманском и Москвой. Именно в тот момент, когда следующий в Москву поезд был готов к отправлению, Ортъе и опустил свое письмо в специальную щель его почтового вагона. Запросы Ортъе пересылались из отдела в отдел, после он получал официальное письменное уведомление о том, куда переданы его бумаги. Путь его письма начался в управлении Военного трибунала Северного военного округа при Прокуратуре Советского Союза и в конце концов закончился рассмотрением дела в Военном трибунале Ленинградского военного округа. В течение этого времени письмо восемь раз курсировало между Москвой, Петрозаводском и Ленинградом. На все эти перемещения ушло более полугода» [7: 33–34].

В конечном итоге Ортье Степанов получил решение Военного трибунала ЛВО от 24 октября 1960 года о реабилитации В. А. Кириллова. Справка гласила:

«Дело по обвинению гражданина Кириллова Василия Агеевича, 1920 года рождения, уроженца деревни Вокнаволок Калевальского района Карельской АССР, арестованного 14 октября 1943 года, до ареста являвшегося военнослужащим, пересмотрено Военным трибуналом ЛВО от 24 октября 1960 года. Постановление от 12 февраля 1944 года в отношении Кириллова В. А. – отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. Гражданин Кириллов реабилитирован посмертно. Зам. председателя Военного трибунала ЛВО, полковник юстиции Поляков»⁴⁵.

Казалось бы, справедливость восторжествовала, разведчик реабилитирован. Но в то время ни Ортье Степанов, ни Яакко Ругоев, ни родные и близкие Василия Кириллова не располагали информацией как о причинах репрессии в отношении разведчика, так и основаниях для его реабилитации.

В 2023 году фактически все материалы уголовного дела в отношении В. А. Кириллова были рассекречены, и в настоящее время мы можем представить, как проходил процесс реабилитации разведчика. После получения запроса Ортье Степанова в 1960 году Прокуратурой СССР было принято решение осуществить проверку архивно-следственного дела Василия Агеевича Кириллова, поручив ее Особому отделу КГБ СССР при Совете Министров СССР по Ленинградскому военному округу (ЛВО). В ходе проверки в 1960 году архивно-следственного дела Василия Агеевича Кириллова следователи Особого отдела КГБ СССР при СМ СССР по ЛВО проанализировали всю разведывательную деятельность разведчика. В Обзорной справке отмечалось, что с сентября 1941 по июнь 1943 года В. А. Кириллову Разведывательным отделом штаба Карельского фронта давались различные задания для выполнения в тылу у финнов. После каждой ходки Кириллов донесением сообщал о выполнении боевых заданий (приказов). Все задания были выполнены, за что разведчик был награжден орденом Красного Знамени.

В Обзорной справке архивно-следственного дела Василия Агеевича Кириллова от 21 сентября 1960 года основное внимание уделяется последнему походу разведчика за линию фронта, который длился восемь месяцев – с 25 сентября 1942 года по 6 июня 1943 года. Приводится боевой приказ от 22 сентября 1942 года на выполнение задания, материалы радиосводок, которые

передавал по радию Кириллов, находясь в Вокнаволоке, и подробный отчет разведчика после возвращения на советскую территорию. В справке отмечено, что данных о перевербовке Кириллова разведкой противника не усматривается. Далее говорится о том, что обвинения Кириллова в изменнической деятельности опровергаются показаниями вновь допрошенных свидетелей: Ольги Петровны Лесонен (Хмылко), Анны Степановны Липкиной (Маликиной), Елены Петровны Торвинен, Марии Ивановны Торвинен, Агафьи Филипповны Мякеля, Марии Филипповны Липкиной, Алексея Семеновича Липкина, которые характеризовали разведывательную работу В. А. Кириллова в тылу противника в пользу советского командования только с положительной стороны и сообщили, что данными о его связях с финскими властями они не располагают⁴⁶. Все свидетели, которые отвергли обвинения Кириллова в его связях с финнами на следствии в 1943 году, а также во время допросов в 1944 году после освобождения Калевальского района Карелии от финской оккупации, вновь подтвердили свою позицию и в 1960 году. Так, Ольга Петровна Лесонен (Хмылко) на допросе в 1960 году заявила, что в 1944 году она говорила о Кириллове только как о настоящем патриоте. Следователь убеждал ее тогда признать, что Кириллов является предателем, работавшим на финнов, но Лесонен отказалась это сделать⁴⁷.

Большой интерес в ходе проверки следственного дела в 1960 году представляют допросы тех немногочисленных свидетелей, которые в той или иной мере, вольно или невольно (чаще всего под давлением) поддержали позицию следствия в 1943–1944 годах о «преступной» деятельности Кириллова. В 1960 году все они отказались от прежних показаний.

Сестра Василия Кириллова Анна Агеевна Кириллова, проживавшая в годы войны в п. Шомба Кемского района, на допросе 30 июля 1960 года дала разъяснение своим словам в протоколе допроса 6 октября 1943 года о том, что «поступок родственника (Василия Кириллова. – С. В.) по отношению к Советскому Союзу считаю неправильным и это граничит с предательством». Во-первых, она отрицала то, что это было записано с ее слов. Во-вторых, Анна Агеевна на допросе в 1960 году также сослалась на то, что не помнит о записанных в протоколе от 6 октября 1943 года ее словах о том, что брат попал в плен к финнам, а затем ему удалось бежать. В-третьих, по словам Кирилловой, во время допроса следователь кричал на нее, угрожал выселением из посел-

ка, ставил в вину поведение ее родственников, в частности пребывание некоторых из них в финском плену. Кроме того, знакомясь с протоколом допроса 6 октября 1943 года, Анна Кириллова, карелка по национальности, не все понимала и не смогла разобраться в записях, так как ее родной язык – карельский, а протокол допроса оформлялся на русском языке. В настоящее время она хорошо владеет русским языком⁴⁸.

В уголовном деле Кириллова 1943 года, а также в допросах 1944 года важнейшими доказательствами «предательства» разведчика являлись антисоветские высказывания, которые он допускал в разговорах после возвращения на советскую сторону. Так, в материалах дела имеются показания свидетеля Софьи Николаевны Толстых-Хойкка из Ругозера о том, что разведчик вел с ней антисоветские разговоры, расхваливал жизнь на оккупированной финнами территории Карелии. На допросе в 1960 году она подтвердила, что встречалась с Кирилловым летом 1943 года в Сегеже, но, о чем был разговор, она не помнит. Протокол допроса 13 сентября 1943 года она подписала, но, что говорила на этом допросе, тоже не помнит. При этом Толстых-Хойкка сослалась на плохую память, так как находилась с весны до осени 1944 года в партизанском отряде и была ранена в голову.

От своих показаний против Кириллова в 1960 году отказался еще один свидетель – его сестра Мария Агеевна Ремшу (Кириллова):

«Меня допрашивали в 1943 году. Следователь говорил по-русски, а я – карелка, русским языком владею плохо. Я могла подписать показания от 3 октября 1943 года. Только не помню, что говорила».

9 августа 1960 года был допрошен свидетель по делу Кириллова Семен Иванович Мотонен, который летом 1943 года проходил службу в разведчасти 12305. В это время контрразведкой «Смерш» Карельского фронта он под фамилией Петров был подселен к Кириллову в одну комнату гостиницы г. Сегежа. Именно Мотонен – Петров на допросе 18 августа 1943 года обвинил Кириллова в недостойном поведении и в том, что тот не внушает политического доверия. На допросе 9 августа 1960 года Мотонен по существу отказался от своих прежних показаний и заявил, что ни подтвердить, ни отрицать свои показания он не может, так как ничего не помнит⁴⁹.

В процессе проверки следственного дела Кириллова в 1960 году были опровергнуты и другие улики, которые легли в основу обвинительного приговора, вынесенного ему

в феврале 1944 года. Так, следователями КГБ СССР было установлено, что блокнот с записями на финском языке, который фигурировал в качестве обвинения Кириллова в измене Родине в 1943 году, не является доказательством его преступной деятельности. Как видно из перевода на русский язык, в блокноте имелся ряд записей обывательского, вульгарного характера, некоторые из них имели политический оттенок, но квалифицировать их как антисоветские нельзя. К тому же все эти записи являлись выдержками из финских газет и журналов, а не личными высказываниями Кириллова. В Обзорной справке также указывалось, что в архивных материалах Разведуправления Генштаба Советской армии на В. А. Кириллова каких-либо данных, уличающих последнего в связях с финскими разведорганами, не имеется⁵⁰.

Следователями, проводившими проверку архивно-следственного дела В. А. Кириллова в 1960 году, был отмечен также факт наличия в уголовном деле 1943–1944 годов данных о том, что Кириллов изготавливал и дарил ряду лиц цепочки по образцу принесенных с оккупированной территории. Из этого далее следовал бездоказательный вывод о том, что Кириллов вербовал советских людей для финской разведки и вышеупомянутые цепочки являлись опознавательными знаками финских разведорганов⁵¹.

В ходе проверки 1960 года следователями были тщательно изучены протоколы допросов всех свидетелей. В деле свидетеля Ольги Петровны Лесонен (Хмылко) имеется акт осмотра дома Агафьи Мякеля от 27 сентября 1944 года. В этом доме в 1942–1943 годах жил и работал В. А. Кириллов. Согласно акту, никаких признаков проживания в подвале дома Мякеля, а также установки радиостанции и антенны к ней не обнаружено. Но признать этот документ как имеющий доказательную силу нельзя по следующим основаниям. Осмотр проводился оперативными сотрудниками контрразведки «Смерш» с явно обвинительным уклоном, о чем свидетельствует текст преамбулы акта, понятые и специалист (радиотехник) для производства осмотра привлечены не были⁵².

Выводы лиц, производивших осмотр дома А. Ф. Мякеля 27 сентября 1944 года, опровергаются данными протокола осмотра этого же дома, произведенного 26 октября 1944 года начальником отдела НКГБ КФСР капитаном Гневным в присутствии радиста НКГБ Ивана Амосовича Тукачева, домохозяйки Агафьи Филипповны Мякеля и гражданки Марии Ротонен. В результате осмотра 26 октября 1944 года было

обнаружено, что в месте укрытия Кириллова, под полом комнаты № 2, в правом углу, на земляном откосе помещалась переносная рация. Антенна проходила из подвала через щель в полу в комнату и выше на чердак. Весь путь прохождения антенны проверен на месте и отвечает техническим требованиям для нормальной работы рации типа «Север»⁵³.

Таким образом, в 1960 году в ходе дополнительной проверки архивно-следственного дела В. А. Кириллова 1943–1944 годов были установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о необоснованном осуждении разведчика. В результате 4 сентября 1960 года следователь особого отдела КГБ при СМ СССР по ЛВО сделал следующее заключение:

«Архивно-следственное дело № 15589 по обвинению Кириллова Василия Агеевича направить в Военную прокуратуру ЛВО для решения вопроса об отмене Постановления Особого совещания при НКВД СССР от 12 февраля 1944 года в отношении Кириллова В. А. и прекращения уголовного дела по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления»⁵⁴.

После этого 18 сентября 1960 года военный прокурор ЛВО полковник юстиции В. Горбашев в порядке надзора внес в Военный трибунал ЛВО Протест по уголовному делу В. А. Кириллова. В Протесте было отмечено:

«В ходе проверки архивно-следственного дела Василия Кириллова установлено, что обвинение Кириллова основано на противоречивых показаниях свидетелей, которые никак не доказывали преступную деятельность разведчика. Дело по обвинению Кириллова прекращено по ряду обстоятельств»⁵⁵.

На допросах, проведенных в период с 15 октября по 1 ноября 1943 года, Кириллов виновным себя не признал и показал, что, будучи направленным 26 сентября 1942 года в тыл противника, он, в соответствии с полученным заданием Разведотдела Карельского фронта, поселился в деревне Вокнаволок в подвале дома гражданки А. Ф. Мякеля, установил радиостанцию, через которую передавал командованию Красной армии разведывательные данные о воинских частях финской армии, размещавшихся в районе указанной деревни. Секретные сведения собирал через А. Мякеля, М. Ротонен, Ф. Липкину, М. Торвинен, С. Липкина, М. Липкину, А. Липкина, О. Лесонен и других местных жителей. 3 июня 1943 года прекратил работу в тылу противника и возвратился в расположение советских войск в связи с тем, что у финнов возникло подозрение о наличии радиостанции в районе деревни Вокнаволок⁵⁶.

Эти показания В. А. Кириллова нашли свое подтверждение в ходе проверки. Допрошенные в 1960 году свидетели А. С. Маликина, Е. П. Торвинен, А. Ф. Мякеля, М. И. Торвинен, М. Ф. Липкина, А. С. Липкин, О. П. Лесонен-Хмылко охарактеризовали разведывательную работу Кириллова во время его пребывания в тылу врага только с положительной стороны и утверждали, что никакой связи с финскими властями он не имел⁵⁷. Кроме того, в оперативных делах по А. Маликиной и О. Лесонен имеется ряд материалов, в частности протоколы допросов свидетелей – С. Н. Липкина, Ф. П. Липкиной, А. А. Денисовой, М. Ф. Ротонен, М. И. Торвинен, А. А. Кириллова, А. Ф. Мякеля, допрошенных в сентябре – октябре 1944 года (после освобождения Калевальского района Карелии от финской оккупации. – С. В.). Все они характеризовали Кириллова положительно, как советского разведчика. В этих делах никаких данных о связях Кириллова с финскими властями или разведорганами Финляндии не имеется. Из протокола осмотра дома гражданки А. Ф. Мякеля, в котором в 1942–1943 годах жил и работал Кириллов, установлено, что технические возможности для нормальной работы рации типа «Север» имелись. В архивных материалах Разведуправления Генштаба Советской армии на В. А. Кириллова также не имеется данных, «уличающих его связях с финскими разведорганами»⁵⁸.

При наличии таких обстоятельств не могут быть приняты во внимание и иметь доказательное значение по делу показания Кириллова, записанные в его протоколах допроса (после перерыва в процессе следствия. – С. В.) о том, что он, находясь в тылу противника, якобы 5 октября 1942 года сдался в плен финнам и, будучи переведен финской разведкой, передавал дезинформационные сведения советскому командованию на квартире А. Ф. Мякеля, а также его утверждения о том, что А. Ф. Мякеля, С. Н. Липкин, М. Липкин, А. С. Липкин, М. И. Торвинен, Ф. П. Липкина, И. Мякеля, О. П. Лесонен и А. С. Маликина, так же как и он, являлись агентами финской разведки⁵⁹. Далее в Протесте прокурора отмечено, что проверкой по архивным материалам и учету КГБ при СМ КАССР сведений о принадлежности к финским разведорганам названных Кирилловым лиц не обнаружено. В качестве примера приводилась история с родным братом Василия Кириллова Алексеем. На допросах, проводившихся после перерыва в следствии (с 15 ноября 1942 года), Василий Кириллов вынужден был отнести своего брата,

как и других жителей, помогавших ему в сборе данных, к агентам финской разведки и утверждал, что якобы через Алексея он сдался в плен финским органам. Несостоятельность этих показаний разведчика видна из того, что его брат на допросе еще в 1944 году отрицал это обстоятельство и показал, что В. А. Кириллов был честным советским человеком и никогда в плен финнам не сдавался и не сотрудничал с ними⁶⁰.

В Протесте прокурора также отмечалось, что в ходе проверки и новых допросов свидетелей в 1960 году выяснилось, что те из них, кто в 1943 и 1944 годах приводил факты о «преступной» деятельности Василия Кириллова, отказались от прежних своих показаний, ссылаясь на плохое знание русского языка и давление на них следователей (А. А. Кириллова, С. Н. Толстых-Хойкка и М. А. Ремшу)⁶¹.

В итоге, исходя из изложенного и принимая во внимание, что обвинение В. А. Кириллова не только не нашло подтверждения в ходе проверки, но и опровергнуто ею и что репрессирован он был необоснованно, а потому, руководствуясь ст. 25 «Положения о прокурорском надзоре в СССР» и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, прокурор ЛВО полковник юстиции В. Горбашев просил Военный трибунал ЛВО Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 12 февраля 1944 года в отношении Василия Агеевича Кириллова отменить и дело прекратить по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР⁶².

Протест в порядке надзора военного прокурора ЛВО на Постановление ОСО при НКВД СССР от 12 февраля 1944 года, на основании которого В. А. Кириллов (до ареста – разведчик-радист Карельского фронта) был заключен в ИТЛ сроком на 20 лет, был рассмотрен на заседании Военного трибунала ЛВО 24 октября 1960 года в составе: председательствующего – полковника юстиции Полякова и членов – полковников юстиции Зырянова и Федотова. Военный трибунал ЛВО вынес определение № 583-н-60, в котором установил следующее. В. А. Кириллов обвинялся в том, что он, будучи в сентябре 1942 года переброшен в тыл противника со спецзаданием, изменил Родине – перешел на сторону врага и выдал секретные сведения. Он был завербован финской разведкой, передавал по ее заданию по радию дезинформацию командованию Красной армии, а в июне 1943 года со шпионским заданием переброшен на советскую сторону, где пытался вербовать агентов для финской разведки⁶³. Как видно из материалов дела,

обвинение Кириллова было обосновано только его противоречивыми показаниями и такими же показаниями некоторых свидетелей по делу. В ходе дополнительной проверки, проведенной в 1960 году, установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о необоснованном осуждении В. А. Кириллова. Обсудив доводы протеста, в которых ставится вопрос об отмене Постановления ОСО при НКВД СССР в отношении Кириллова и прекращении дела о нем за отсутствием состава преступления, военный трибунал находит, что протест подлежит удовлетворению. Кириллов был репрессирован необоснованно.

Исходя из изложенного и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, военный трибунал определил: Постановление ОСО при НКВД СССР от 12 февраля 1944 года в отношении Василия Агеевича Кириллова отменить и дело о нем прекратить на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления.

Писатель Ортье Степанов, подававший заявление о пересмотре дела В. А. Кириллова, 26 октября 1960 года получил справку, которая гласила:

«Дело по обвинению гражданина Кириллова Василия Агеевича, 1920 года рождения, уроженца дер. Вокнаволок Калевальского района КАССР, арестованного 14 октября 1943 года, до ареста находящегося военным служащим – пересмотрено Военным трибуналом ЛВО 24 октября 1960 года. Постановление от 12 февраля 1944 года в отношении Кириллова В. А. – ОТМЕНЕНО и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. Гражданин Кириллов реабилитирован посмертно. Зам. Председателя Военного трибунала ЛВО полковник юстиции Поляков»⁶⁴.

Реабилитация Василия Кириллова в 1960 году ускорила писательскую и исследовательскую работу Яакко Ругоева. В 1964 году он опубликовал на страницах газеты «Неувосто Карьяла» («Советская Карелия») статью «На службе Отчизне», в которой рассказал о разведывательной деятельности Василия Кириллова в д. Вокнаволок с осени 1942 до начала лета 1943 года. Этот рассказ оправдал отважного разведчика и получил много положительных отзывов как в газетных статьях, так и в письмах самому писателю. Затем Яакко Ругоев дополнил рассказ другими материалами и в журнале «На рубеже» в 1964 году опубликовал документальную повесть «Двести пятьдесят шесть дней» [8].

Рассказ и повесть Яакко Ругоева освещали только героические подвиги Василия Кириллова, подпольную деятельность разведчика в тылу врага в оккупированной деревне в течение

восьми месяцев, но что произошло далее, после возвращения Кириллова на советскую территорию, оставалось за рамками этих произведений. Яакко Ругоев продолжал работу над новым романом о Василии Кириллове с рабочим названием «Лесная карельская молодость». Однако завершить его писателю не удалось.

С материалами архива Яакко Ругоева после его смерти работал финский писатель Маркку Ниеминен, который среди прочих документов обнаружил папку с письмами Василия Кириллова из заключения. Они во многом объясняют ситуацию с «осуждением» разведчика в измене Родине. Ниеминен приводит отрывок из письма В. Кириллова от 10 февраля 1944 года, то есть за два дня до того, как военный суд принял решение по его делу. Яакко Ругоев в то время жил в Беломорске и работал корреспондентом в газете «Тотуус», он случайно увидел Василия Кириллова в строю заключенных, когда они возвращались с работы в тюрьму. Письмо было написано карандашом на листе белой бумаги, вырванном из тетради. Конверт был сделан собственноручно из коричневой шершавой бумаги. Адрес был написан карандашом:

«Мой дорогой друг Яакко! Наша сегодняшняя встреча, думаю, для тебя была большой неожиданностью. Хотя, возможно, ты уже слышал, что летом я попал в руки государства. Мое нынешнее положение, конечно, крайне неприятно, но думаю, что это ненадолго – жду в этом деле изменения. Яакко, дорогой! Ты не можешь себе и представить, сколько страданий мне пришлось испытать вследствие неправильного толкования фактов, которые на данный момент не выяснены – или, правильное сказать, выяснены, но с неправильной точки зрения. Дело в том, что меня обвинили в том, в чем я не виноват. Конечно, все выяснится, не раньше, так позже, тогда, когда определенные люди придут и дадут объяснения перед моими обвинителями. О прошлом скажу пару слов: 8 августа я попал под подозрение, 15 октября меня официально задержали и отправили в тюрьму, где меня допрашивали до конца декабря. Допрос продолжался в течение пяти месяцев: с августа по декабрь. В конце концов мне пришлось взять на себя вину за дело, в котором я невиновен, а именно в шпионаже со стороны врагов. Приговор еще не оглашен, дело находится в Москве на рассмотрении специальной комиссии. Скорее всего, вынесут приговор, но после того, как все выяснится, он изменится. Не знаю, смогу ли я вернуть свое прежнее положение, но ожидаю по крайней мере изменение ситуации в лучшую сторону. Но это может занять долгое время...» [7: 39–40].

В 1960 году после получения официальных документов о реабилитации Василия Кириллова Яакко Ругоев, который в это время занимал пост Председателя правления Союза писателей Карельской АССР, решил поднять вопрос

о привлечении к ответственности лиц, виновных в аресте и смерти Кириллова. Он был намерен обратиться в Карельский обком КПСС. Об этом факте рассказывается в информации старшего оперуполномоченного следственного отделения 1-го отдела КГБ при Совете Министров КАССР. Он же отмечает: «Я предложил Ругоеву написать об этом в КГБ СССР, но Ругоев остался при своем мнении»⁶⁵. Автору статьи пока не удалось найти архивные документы, которые могли бы подтвердить или опровергнуть данный факт. На мой взгляд, даже если писатель и предпринял действие по наказанию виновных в аресте Кириллова, то оно в тот период не имело бы продолжения. Ведь тогда надо было наказывать не только следователей и прокуроров, проводивших расследование в 1943 и 1944 годах и выносивших решение по делу Кириллова, но и некоторых близких и родных разведчику людей, которые под давлением следствия предоставили улики о его «преступной» деятельности.

Рис. 5. Агафья Мякеля на встрече со школьниками Калевальской средней школы

Figure 5. Agafya Mäkelä during a meeting with students of Kalevala Secondary School

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследования героической и трагической судьбы зафронтового разведчика Карельского фронта Василия Агеевича Кириллова, можно констатировать, что справедливость в конечном итоге восторжествовала. В 1960 году его дело было пересмотрено, а доброе имя – восстановлено. С 1963 года Калевальская средняя школа носит имя В. А. Кириллова. Весной 1965 года, уже после публикации документальной повести Яакко Ругоева «Двести пятьдесят шесть дней», Агафья Мякеля, Анна Маликина и Ольга Лесонен, которые помогали В. А. Кириллову в его разведывательной деятельности, были награждены грамотами Президиума Верховного Совета КАССР, а в республиканской газете «Ленинская

правда» (30 марта 1965 года) появилась безымянная заметка «Патриоты из Вокнаволока».

Но только в 2023 году, получив возможность познакомиться с рассекреченными материалами уголовного дела Василия Кириллова, мы можем осветить все перипетии героической и трагической жизни отважного разведчика и патриота своей Родины, выявить причины, по которым он был осужден в 1944 году, и показать основания, по которым он был реабилитирован в 1960 году.

Таких примеров успешной деятельности зафронтовых разведчиков Карельского фронта в тылу финских войск, как работа Василия Кириллова, было немного, учитывая жесточайший режим, установленный финской администрацией на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 годах. Но они были. И это значительно расширяет наши знания о противостоянии советских и финских спецслужб на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). Ф. 8.2. № II – 10218. (Фонд уголовных дел) (ФУД). Л. 1–316.
- ² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 1.
- ³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 256.
- ⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 1.
- ⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 1–2.
- ⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Фонд контрразведывательного отдела (Ф. КРО). Оп. 1. Д. 94. Л. 62–63.
- ⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 94. Л. 63–64, 126.
- ⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 2–3.
- ⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 2–3.
- ¹⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 3.
- ¹¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 4–5.
- ¹² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 11–12.
- ¹³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 13–15.
- ¹⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 13–15.
- ¹⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 15.
- ¹⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 16.
- ¹⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 18–19.
- ¹⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 21–21 об.
- ¹⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 21–21 об.
- ²⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 21 об.
- ²¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 28–29 об.
- ²² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 30.
- ²³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 31.
- ²⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 32–33.
- ²⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 31–32.
- ²⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 35–36.
- ²⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 61.
- ²⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2.10. Оп. 1. Пор № 98. Л. 565–567.
- ²⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2.10. Оп. 1. Пор № 98. Л. 565–567.
- ³⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2.10. Оп. 1. Пор № 98. Л. 568–570.
- ³¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 172–175.
- ³² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 266–268.
- ³³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 185–187.
- ³⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 177–179.
- ³⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 65–68.
- ³⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 76.
- ³⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 42–46.
- ³⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 46.
- ³⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 79–80.
- ⁴⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 84.
- ⁴¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 84.
- ⁴² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 302.
- ⁴³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 132–138.
- ⁴⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 132–138.
- ⁴⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 316.
- ⁴⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 302–303.
- ⁴⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 188.

- ⁴⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 160–161, 183–185, 302–303.
⁴⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 156–158 об.
⁵⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 303.
⁵¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 303.
⁵² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 304.
⁵³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 304.
⁵⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 304.
⁵⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 305.
⁵⁶ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 305.
⁵⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 165–168.
⁵⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 253–264, 306.
⁵⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 306.
⁶⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 280–281.
⁶¹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 280–281.
⁶² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 280–281.
⁶³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 133–135, 312.
⁶⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 316.
⁶⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.2. № II – 10218. ФУД. Л. 252.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веригин С. Г. Противостояние: борьба советской контрразведки против финских спецслужб 1939–1944. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 279 с.
2. Веригин С. Г. Советская контрразведка против финских спецслужб (1939–1944). М.: Вече, 2018. 316 с.
3. Веригин С. Г. Василий Кириллов – зафронтовой разведчик Карельского фронта // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы VIII конференции (Петрозаводск, 15–17 сентября 2023 года) / Ред. коллегия: К. Ф. Белоусов (науч. ред.) [и др.]. Петрозаводск: ПИН: Макаров Н. А., 2023. С. 66–75.
4. Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Финская разведка // Север. 1997. № 4. С. 95–99.
5. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. // Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 465–474.
6. Лайдинен Э. П. Радиоразведка Финляндии // Север. 2000. № 10. С. 95–106.
7. Ниёминен М. Человек и время. Эпилог // Север. 2016. № 3–4. С. 30–45.
8. Ругоев Я. В. Двести пятьдесят шесть дней // На рубеже. 1964. № 4. С. 30–61.
9. Христофоров В. С. История страны в документах архивов ФСБ России: Сб. ст. и материалов. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2013. 960 с.
10. Христофоров В. С. СССР – Финляндия: противостояние 1941–1944 гг. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2018. 440 с.
11. Христофоров В. С. Тайное противоборство советских и финских спецслужб в 1941–1944 годах: установки, цели, результат // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 48–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.229
12. Чекисты Карелии: Статьи, очерки, рассказы. Петрозаводск, 1982. 278 с.
13. Чекисты Карельского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документальные очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1988. 246 с.

Поступила в редакцию 22.12.2023; принята к публикации 29.01.2024

Original article

Sergei G. Verigin, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University, Professor, Northern Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia) (Petrozavodsk, Russian Federation)
 verigin@petrsu.ru

A LOOK AT THE HISTORY OF SOVIET COUNTERINTELLIGENCE: THE FATE OF SPY VASILY KIRILLOV

Abstract. This article provides an analysis on the life and experiences of Vasily Ageevich Kirillov, a behind-the-front-line intelligence officer stationed on the Karelian Front during World War II. The research is based on archival documents obtained from the Archive of the Directorate of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Republic of Karelia. These documents, some of which were declassified and introduced into scholarly circulation in 2023, serve as the primary sources for this study. The article discusses various forms and techniques used in Kirillov's training by the Soviet military counterintelligence, as well as his deployment behind enemy lines. A significant focus is

placed on evaluating the effectiveness of Kirillov's intelligence activities in hostile territories. The article acknowledges the challenges and intricacies faced by intelligence officers during the positional war between the USSR and Finland from 1941 to 1944. Furthermore, this research investigates the circumstances surrounding Kirillov's conviction in 1944 and subsequent exoneration in 1960. By shedding light on this historical event, the study contributes to the existing Russian historiography concerning the domestic intelligence services during the Great Patriotic War.

Keywords: Vasily Kirillov, front-line intelligence officer, Soviet counterintelligence, Finnish intelligence, Great Patriotic War, Karelian Front

For citation: Verigin, S. G. A look at the history of Soviet counterintelligence: the fate of spy Vasily Kirillov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):64–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1009

REFERENCES

1. Verigin, S. G. Confrontation: the struggle of the Soviet counterintelligence against the Finnish intelligence services in 1939–1944. Petrozavodsk, 2018. 279 p. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. Soviet counterintelligence vs. Finnish intelligence services (1939–1944). Moscow, 2018. 316 p. (In Russ.)
3. Verigin, S. G. Vasily Kirillov, a behind-the-front-line intelligence officer of the Karelian Front. *Historical Readings on Andropova Street, 5. History of security agencies: Proceedings of the VIII conference (Petrozavodsk, 15–17 September 2023)*. (K. F. Belousov et al., Eds.). Petrozavodsk, 2023. P. 66–75. (In Russ.)
4. Verigin, S. G., Laidinen, E. P. Finnish intelligence. *Sever*. 1997;4:95–99. (In Russ.)
5. Laidinen, E. P., Verigin, S. G. Human intelligence of the armies of Nazi Germany and Finland in the North-West of the Soviet Union in 1941–1944. *Baryshnikov, N. I., Laidinen, E. P. Selected writings. The history of Soviet-Finnish relations*. St. Petersburg, 2013. P. 465–474. (In Russ.)
6. Laidinen, E. P. Radio intelligence of Finland. *Sever*. 2000;10:95–106. (In Russ.)
7. Nieminen, M. Man and time. Epilogue. *Sever*. 2016;3–4:30–45. (In Russ.)
8. Rugojev, J. V. Two hundred fifty-six days. *Na rubezhe*. 1964;4:30–61. (In Russ.)
9. Khristoforov, V. S. National history in the documents from the archives of Russia's Federal Security Service: Collection of articles and materials. Moscow, 2013. 960 p. (In Russ.)
10. Khristoforov, V. S. USSR – Finland: confrontation in 1941–1944. Moscow, 2018. 440 p. (In Russ.)
11. Khristoforov, V. S. Secret confrontation between Soviet and Finnish special services from 1941 to 1944: attitudes, objectives, results. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018;7(176):48–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.229 (In Russ.)
12. Chekists of Karelia: Articles, essays, stories. Petrozavodsk, 1982. 278 p. (In Russ.)
13. Chekists of the Karelian Front in the Great Patriotic War of 1941–1945: documentary essays and memories. Petrozavodsk, 1988. 246 p. (In Russ.)

Received: 22 December 2023; accepted: 29 January 2024